

Дмитрий
Мережковский

ТАЙНА ТРЁХ:
ЕГИПЕТ И ВАВИЛОН

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Тайна трёх: Египет и Вавилон / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 324 с.

ISBN 978-5-521-78915-3

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

Книга «Тайна трёх: Египет и Вавилон» написана Мережковским в эмиграции под впечатлением страшных событий 1917 года, заставивших писателя задуматься о многообразии культур и развитии цивилизаций, о ходе и смысле истории. В этой уникальной книге автор обращается к далёкому прошлому человечества, изучив множество древних текстов, часть из которых, возможно, никогда не будет переведена на русский язык.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

НЕБЫВАЛОЕ	5
СОЛНЦЕ СЛЕПЫХ	14
БОЖЕСТВЕННЫЙ ТРИЛИСТНИК	26
ОДИН, ДВА И ТРИ	36
ПИСЬМО В БУТЫЛКЕ.....	52
ЕГИПЕТ – ОЗИРИС	58
НЕБЕСНАЯ РАДОСТЬ ЗЕМЛИ.....	76
ОЗИРИС, ТЕНЬ РАСПЯТОГО.....	106
ОЗИРИС, ТЕНЬ ВОСКРЕСШЕГО.....	121
ТАЙНА ДВУХ В ОЗИРИСЕ.....	147
КОНЕЦ ЕГИПТА.....	174
ВАВИЛОН – ТАММУЗ	191
РАНЕНАЯ ЛЬВИЦА – ПОТОП	211
ГИЛЬГАМЕШ И ДРЕВО ЖИЗНИ.....	236
ТАММУЗ – ТЕНЬ ВОСКРЕСШЕГО	258
ТАЙНА ДВУХ В ТАММУЗЕ.....	286
ОТЕЦ, СЫН И МАТЬ	308

НЕБЫВАЛОЕ

I

Слава Пресвятой Троице! Слава
Отцу, Сыну и Духу! Слава
Божественному Трилистнику!

II

Попробуйте войти в современное приличное общество и перекреститься: в лучшем случае, вас примут за сумасшедшего, а в худшем — за шарлатана.

Я не шарлатан: то, что я сейчас делаю, для меня слишком невыгодно. Всякий пишущий хочет иметь читателей, потому что не добро быть человеку одному, и особенно в религии. Всякий пишущий любит книгу свою, как дитя свое, а в глазах почти всех моих читателей я уничтожаю книгу мою, как бы сжигаю, ставя на ней крест во имя Трех.

Но что же делать? Я не могу поступить иначе. Это малая жертва тому, что я больше всего люблю и во что больше всего верю.

Пусть же горит книга моя, дитя мое, как малая жертва Трем.

III

Я хорошо понимаю, что сейчас, под ногами того, кто говорит, как я говорю, земля проваливается, если только он не стоит на той Скале (Церкви), о которой сказано, что «врата адовы не одолеют Ее». Я не стою на Ней, или не всегда стою, иногда схожу; почему и зачем, об этом

после, а сейчас скажу одно: для стоящих на Ней уже безразлично, что земля проваливается и мир погибает. «Царство Мое не от мира сего» — так именно поняты эти слова на Скале. Я их не так понимаю: для меня не безразлично, что мир погибает. Я знаю, что нет иной Скалы и что стоящие на Ней спасутся; но также знаю, что таким, как я, нельзя иначе спастись, как с погибающим миром.

IV

А все-таки зачем писать, когда читать некому?

Буду откровенен. Прежде всего я пишу для себя. Нет большей радости, чем радость познания, хотя бы одинокого. «Не добро быть человеку одному», но даже это недоброе побеждается этою радостью.

Радость познания есть радость силы, а сила измеряется движением по линии наибольшего сопротивления. Пусть я говорю не так, как надо, и не то, что надо; но я говорю не то, что все. Вообще христианство, со Скалы сходящее, и особенно невидимая часть христианского спектра — Троица, Тайна Трех — и есть сейчас линия наибольшего сопротивления.

А затем, я пишу для тех немногих, кто, может быть, меня прочтет. По слову Гераклита Темного: «Многие плохи, немногие хороши». И еще: «Один для меня десять тысяч, если он лучший». Может быть, мне простят, что я считаю моих немногих читателей лучшими и что они для меня дороже бесчисленных.

И, наконец, всякий пишущий имеет право надеяться, что пишет не только для современников. Ведь и плохая книга может оказаться историческим памятником, свидетельством о том, чем люди жили. Смею надеяться, что

я жил моею книгою, и притом в обстоятельствах необыкновенных — в великом разрушении не только моей страны. Я очень бы хотел ошибиться, но мне все больше кажется, что не только наш русский, но и всемирный корабль тонет. А когда человек с тонущего корабля кидает в море бутылку с письмом, то надеется, что кто-нибудь найдет его и прочтет.

V

Каждое время считает себя единственным и отчасти право. В каждом времени есть то, чего никогда еще не бывало и никогда уже не будет. В чем же единственность нашего времени?

В столкновении великой религиозной истины с великою религиозною ложью. Сейчас ложь и истина схватились в такой смертельной схватке, как еще никогда. Мир дошел до какой-то крайней точки, до какого-то вершинного острия, акме, и весь на нем колеблется, как на острие ножа.

VI

Для нашей религиозной истины у нас нет слов. Слово «социализм» неверное: ведь существо социализма — атеизм, отрицание религии. Вернее было бы назвать эту нашу бессловесную истину, или томление об истине, социальной проблемою, религиозною жаждою общественной правды. Мир томится ею смутно, глухо, немо, но так неутолимо, как еще никогда. Жажда попадает его, как пожар сухую степь. Мир понял или почуял, что именно здесь, и только здесь, в проблеме социальной, в вопросе не об одном, а о всех, не о Личности, а об Обществе, заключается проблема проблем, узел узлов, тайна тайн. Может быть,

Эдипа пожрет Сфинкс, но обойти его нельзя. Тут, в самом деле, новое, небывалое движение человеческого, и не только человеческого, Духа. Ведь потому-то мир и отверг религию вообще и христианство в частности, что решил окончательно, — верно или неверно, это другой вопрос — что для социальной жажды в христианстве нет воды.

VII

Для нашей религиозной лжи у нас есть слово: атеизм. Атеизм, отрицание религии с религиозною жаждою социальной правды — это противоречие не мое, а мира. Разве мы не видим, как социалистический атеизм становится новою верою? «Я верую, что Бога нет», — исповедует бесноватый Кириллов в «Бесах» Достоевского.

Это даже больше, чем противоречие, это — безумие. Жажду Бога человек утоляет безбожием: так умирающий от жажды вскрывает себе жилы и пьет свою кровь; но не утоляет, а разжигает жажду жгучая соленость крови.

VIII

Наш атеизм небывалый, единственный.

Атеизм личный всегда был и будет, как всегда была и будет личная религия. Одни люди верят в Бога, другие — нет. И те, кто молится: «помоги моему неверию», может быть, верят больше других. Чем же наш атеизм небывалый? А вот чем.

От Эпикура до Лукреция уже замкнут круг атеизма личного; дальше и мы не пошли; но мы идем дальше в атеизме общественном. Древние — только для себя и про себя безбожники; их атеизм — «частное дело», *Privat-Sache*, как лукаво выражаются социал-демократы, готовя торжество

атеизма, как дела общего, социального. Вопреки всем религиозным отрицаниям, частным и личным, древнее общество, государство, Град, Polis, остается под знаком религии.

По Артемидору Родосскому, «нет народа без Бога». По Гезиоду и Геродоту, «нечестие», ἀσέβεια, есть крайнее зло, корень всех зол, личных и общественных; нечестивцы суть государственные преступники, разрушители Града. Филологически неверно, но психологически глубоко, производят римляне слово religio от relegare, «связывать». Религия есть, в самом деле, связь, по преимуществу то, что связывает, скрепляет людей в общество. Если вынуть из него эту скрепу, то оно распадается, из живого тела становится мертвою «массою». Недаром именно этим словом обозначает атеистический социализм человеческие множества: он говорит о них и поступает с ними, как с мертвыми физическими «массами».

Вот это-то древнее, изначальное, естественное отношение частного и общего в религии извращено, опрокинуто нами так, как еще никогда. Для древних религия есть общее дело, безбожие — частное, а для нас, наоборот, общее дело есть безбожие, а религия — частное.

Уже в эллинском и особенно в эллинистическом языке заложена основа будущей христианской всемирности, кафоличности. «Елевзинские таинства объединяют весь род человеческий, συνέχοντα τὸ ἀνθρώπειον γένος» (Претекстат, проконсул Элады, — императору Валентиану I). А Интернационал хочет объединить человечество в новой атеистической всемирности. Древний Град — под знаком религии, наш — под знаком безбожия — принудительного (опыт русских коммунистов). «Я верую, что Бога нет» — и заставляю всех поверить,

потому что верить или не верить я не хочу и не могу один, а могу и хочу только со всеми.

IX

В том-то и заключается трагедия современного человечества, что верить человек не может один. Вера моя без чужой гаснет, как пламя без воздуха: я должен зажечь других или сам погаснуть.

Христианство не прошло человечеству даром: оно оставило на нем неизгладимый след всемирности; современный человек всемирен — с Богом или против Бога; он выпадает из Церкви Вселенской в Интернационал.

Не здесь или там, а везде, во всем мире, происходит одно и то же: религиозная атмосфера так разрежена, что нечем дышать. Кто-то делает страшный опыт с человечеством: посадил его, как кролика, под стеклянный колпак и выкачал воздух.

X

В доисторической пещере Орилляка (Aurillac) найдены остатки похоронной тризны — между прочим, ледникового носорога-сосунка. Это значит, что человек четвертичной эпохи (*époque quaternaire*) уже имел погребальные обряды и, следовательно, начатки религии. Человек и тогда уже смутно предчувствовал, что с земною жизнью для него не все кончается и что религия есть не только «частное», но и общее дело: иначе не собирались бы люди на похоронные тризны.

Только что появился человек на земле, как поднял чело к небу.